

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

Русско-шведская война 1808–1809 гг. занимает особое место как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Это связано с целым рядом причин. Они заключаются в следующем.

Во-первых, это фактор времени. Война совпала с периодом, когда взоры всей Европы были обращены к событиям в центральной и южной ее части, а дела на ее северо-западе, в лучшем случае, представлялись как арьергардные бои, ведомые Наполеоном с антифранцузской коалицией.

Во-вторых, важно иметь в виду масштаб войны. «Число сражавшихся едва доходило до числа убитых и раненых в одном из сражений предшествующих и последующих войн»¹.

В-третьих, значение имела легитимность. Ни одна из воюющих сторон (ни Россия, ни Швеция) не могли в полной мере считать ее справедливой. Война велась на территории третьей страны – Финляндии, народ которой нес от нее наибольшие страдания и фактически ничего не получал в случае победы или поражения одной из сторон. Правомерно в одинаковой мере рассматривать и шведскую и русскую армии, воевавшие на территории Финляндии, как оккупационные.

В-четвертых, играл роль престиж. В начале войны российский генералитет рассматривал «Финляндскую войну», как второстепенную, «затяжную от нечего делать», для прогулки, чтобы мимоходом «схватить лишнюю награду»². Но «блиц-крига» не получилось. Успешно начатая, кампания стала принимать затяжной характер, причем командование обеих армий в ходе боевых действий паряду с блестящими операциями допускало серьезные ошибки и грубые тактические просчеты, которые подрывали авторитет военачальников как в своих странах, так и за рубежом.

В-пятых, надо учитывать репутацию и воинскую честь. Вооруженная борьба сопровождалась многочисленными политическими «закулисными интригами» и «темными заговорами», которые ставили под сомнение офицерскую честь и доброе имя людей, принимавших участие в отдельных событиях этой войны. Кроме того, в России уже с самого начала войны, общественно-политическое мнение воспринимало третью Северную войну, как меру превентивную, направленную против «заведомо слабого, хотя в прошлом и грозного противника»³. А «бить слабого» на Руси никогда не вызывало одобрения, а в силу этого нападение на шведские владения в Финляндии, в целом, осуждалось и считалось бесславым.

В-шестых, имеет значение место войны в общественно-политической истории России и Швеции. Общественное мнение каждой из стран в 1808–1809 гг. в большей степени было сфокусировано преимущественно на решении насущных внутригосударственных проблем, на которые результаты боевых действий оказывали скорее косвенное, сопутствующее, чем прямое влияние. Денис Давыдов пишет, что в петербургских кругах не считали события в Финляндии «серьезной войной» и «приглашали нас письмами на веселье в столицу и семейные удовольствия»⁴.

В тоже время нельзя не учитывать, что историческое значение этой войны для последующих событий было огромно.

С внешнеполитической точки зрения, если для России и Швеции события в Финляндии являлись лишь одним из многих аспектов внешней политики, то для самой Suomi, в буквальном смысле зажатой между «сверхдержавами XIX века», отношения между ними во многом определяли благополучие

и спокойное развитие нации. С точки зрения формирования финской государственности, война 1808–1809 гг. разбудила финскую нацию для осознания собственного суверенитета. Захарий Тонеллуус писал, что «финский народ с 1809 г. приобрел то, что прежде не имел, — свою историю, а то, что относится к случившемуся от 1157 до 1809 гг. — относится ко времени доисторическому». Победа России в войне открыла Финляндии путь к собственной государственности и национальному суверенитету. Несмотря на то, что в результате войны Россия закрепила за собой Великое княжество Финляндское, самостоятельность финнов в решении внутренних и внешних проблем возросла. По сравнению со «шведским периодом» своего развития Финляндия стала меньше привязана к метрополии и культурно, и этнически, и экономически. Было установлено ее национальное представительство. Финляндия получила новое политическое устройство и конституцию, стала независимой в законодательном, административном, судебном и военном отношениях от остальной империи. Это позволило впоследствии финнам легче обрести самостоятельную государственность и независимость.

Для России и Швеции это была последняя в череде практически непрерывных войн, которые продолжались почти тысячелетие. Правительства и народы наконец задумались о том, что нет необходимости постоянно воевать друг с другом, ведь можно жить мирно, спокойно торговать, ходить друг к другу в гости, жениться, растить детей. «Прекращение войн на северо-западе, — писал Вильям Васильевич Похлебкин, — служивших на протяжении 700 лет непрерывно источником нестабильности в русском государстве и занимавших в истории России второе по значению место после монголо-татарского ига как фактор внешнего давления на Русь оставалось значительным событием с точки зрения государственной власти. Вот почему в 1838 г. Николай I совершил сенсационное и для России, и для Европы посещение Швеции, чтобы таким образом подчеркнуть, что во внешней политике страны началась новая эпоха... России уже не приходилось опасаться «второго фронта» или бороться в условиях «двух фронтов»⁵. Конечно, революционные настроения имели место и в более поздней шведской истории, например, в середине XIX столетия, в годы

Крымской войны, Оскар I из Стокгольма призывал «схватить великана за горло, а не наступать ему на ногу»⁶, но здравый смысл победил. Последние 200 лет отношения между Швецией и Россией демонстрируют, что, несмотря на существующие между странами противоречия, можно забыть старые обиды, ослабить имперские амбиции и научиться строить отношения друг с другом иначе, чем с позиции силы.

Для шведской государственности эта война имела особое значение. Поражение в ней могло привести не только к смене правящей династии и изменению внешней политики, основой которой стал провозглашенный Карлом Юханом (Жаном Баттистом Бернадотом) вооруженный нейтралитет, но и к изменению всей структуры шведского общества, новой формы правления, ознаменовавшей поворот страны к либерализму и демократии. В результате реформ, проведенных после окончания войны, были заложены основы государственного устройства, внутренней и внешней политики современной Швеции.

Война имела значение и для российской государственности. Казалось бы, победа над Швецией не оказала прямого воздействия на существующей в стране режим, но в состав империи вошла новая область, которая была более подготовлена к осуществлению конституционных реформ, идеи которых были распространены в окружении Александра I. Авторитарная по своей сути, построенная на крепостном праве, система государственного управления Российской империи сохранилась, но реформаторы получили в свое распоряжение область, которая на протяжении столетия являлась полигоном для апробирования либеральных реформ, новых принципов построения отношений между центральной властью и регионами, русскими и «иностранцами», проживающими бок о бок. Не случайно предварительная работа по созыву финляндского сейма была поручена выдающемуся российскому государственному деятелю, крупнейшему «кодификатору Российского права» М. М. Сперанскому, известному своими конституционными проектами. Фактически Михаил Михайлович Сперанский вместе с Де-Геером, Спренгпортемом, Ребиндером, Тенгстремом и Колодиным можно считать организатором Боргского сейма 1809 г. и создателем правовых основ государственного управления Великого княжества Финляндско-

го. Безусловно, опыт, полученный М. М. Сперанским в Финляндии, повлиял и на его дальнейшую деятельность, оказавшую огромное влияние на формирование системы административно-государственного управления Российской Империи. Можно сказать, что ростки демократизации общественной жизни из Финляндии стали распространяться по всей России. Кроме того, само присоединение Финляндии к Империи в тот период, когда в воздухе Европы витали идеалы Великой Французской революции, провозгласившей неотъемлемой частью деятельности государства, явилось необходимым уроком. М. М. Бородин писал, что 15 марта 1809 г. при въезде в Борго Императора встречала надпись «Александрю Первому – защитнику просвещения, законов Финляндии»⁷. Этот транспарант как бы диктовал правительству Российской Империи необходимость постоянно объяснять и доказывать международно-правовую легитимность присоединения новой территории, руководствоваться в своей деятельности прежде всего законом как высшим источником права.

Для российской армии эта «маленькая» война стала предвестником большой войны – Отечественной войны 1812–1814 гг. В Финляндии получили хороший урок будущие герои Смоленска, Бородина, Малоярославца. С точки зрения военной тактики, финляндская война не принесла много тактических нововведений, но практика была огромна. Барклай де Толли, Багратион, Раевский, Денис Давыдов и многие другие офицеры в лесах Финляндии сформировались и как офицеры, и как военачальники.

Историки иногда называют «Финляндскую войну» бескровной. Действительно, потери в ней незначительны по мировым масштабам. Но это не значит, что она не важна для каждого человека, чьи родственники воевали на той или другой стороне, гибли, совершали подвиги и обвинялись в бесчестных поступках, покрывали свои имена и имена своих потомков кто славой, а кто позором. Дети хотели знать, во имя чего, как и почему погибли их родители. Например, финны до сих пор воспитывают своих детей на примерах борьбы их предков с русскими, воздвигают национальным героям той войны памятники, сохраняют их имена в народной памяти. С другой стороны, беспрецедентный переход русской армии по льду

Кваркена, «развеховавшего трупами»⁸, и «понесенные в этом походе трудности», которые, по выражению Барклая де Толли, «единственно русскому преодолеть только можно»⁹, служат примером мужества, стойкости и героизма русского солдата. Победа в войне была достигнута не только благодаря таланту Каменского, Барклая, Багратиона и других генералов, смелости и удали Давыдовых и Кульневых, но и смелости и мужеству простого русского солдата, который ежедневно и ежедневно, прорубаясь через леса и ледовые торосы, рискуя жизнью, ковал победу русского оружия. В 24 фонде Архива Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится замечательный документ, подписанный А. А. Аракчеевым «Список нижних чинов, удостоенных знака отличия военного ордена в кампании 1808–1809 гг. с описанием их подвигов». В нем содержится описание 499 случаев проявления русскими солдатами «исключительного героизма и доблести». Все это важно для памяти людей.

Перечисленные выше причины привели к парадоксальному результату. С одной стороны, пока война продолжалась, она мало интересовала современников. С другой, как только она закончилась, к ней проснулся общественный интерес, ее ход и результаты стали активно обсуждаться в обществе, но вскоре международные события стали развиваться с такой стремительностью, что текущие проблемы затмили былые. Через некоторое время, когда стих шум последнего этапа наполеоновских войн, общество опять вернулось к осмыслению событий той войны, но живых свидетелей осталось немного, да и последующие события, происшедшие с ними принесли им более яркие впечатления. Факты и события 1808–1809 гг. комментировались достаточно вольно. Каждая из сторон — участниц конфликта старалась изобразить события в выгодном для себя свете. В результате на действительные события наложился домысел и фантазия, которые окончательно исказили их. Прошло почти 200 лет, а действительный ход кампании 1808–1809 гг. и сопутствующие ей «закулисные события» окончательно не прояснены. В историографии возникло множество взаимоисключающих, но достаточно правдоподобных легенд и версий, среди которых трудно выделить истинные. Своей работой автор стре-

миться хоть немного прояснить ситуацию и дополнить ранее опубликованные исследования¹⁰.

Используя в качестве источников официальные документы, дневники и воспоминания участников тех событий, хранящиеся в архивах, автор исследования стремился достигнуть наиболее объективной картины. При этом необходимо было рассматривать в совокупности все известные источники. Официальные материалы дают реально «фактуру исследования», набор строго определенных дат и событий, а личные воспоминания создают эмоциональный фон, который помогает почувствовать обстановку, «проинспектировать духом» тех дней, вскрыть невидимые причины, заставившие людей поступить известным образом.

В задачу работы входило познакомить читателей с малоизученными источниками. Но в ней отдавалось должное трудам предшественников. Как известно, самое первое подробное описание войны 1808–1809 гг. было выполнено П. К. Сухтеленем, генералом-квартирмейстером, активным участником войны, а впоследствии посланником российского престола в Швеции. Дипломатическая служба в Швеции позволила ему подробно познакомиться со шведскими источниками, что делает его взгляд более объективным. В 1832 г. в Санкт-Петербурге в типографии Пенейкина была напечатана брошюра Сухтелена «Картина военных действий в последнюю войну России со Швецией в 1808–1809 гг.» Данное произведение в равной степени может быть отнесено и к мемуарам, и к официальным источникам. П. К. Сухтелен по национальности бельгиец, перешел на службу в российскую армию из армии голландской, его родной язык французский, поэтому, естественно, свои мемуары он издал на французском языке. Через некоторое время они практически одновременно были переведены на русский и шведский языки. В Швеции они выходили с комментариями «лейтенанта шведской службы Вреде», по-видимому, родственника (сына?) назначенного весной 1809 г. командующего шведскими войсками графа Вреде. Очевидно, шведский комментатор имел собственные материалы, позволяющие ему давать оценку труда Сухтелена. Шведского издания автору работы пока найти не удалось. Но разбирая материалы фонда Александра Васильевича Головина (1821–

1886 г.)¹¹ в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (РНБ), автор натолкнулся на документ озаглавленный «Замечания лейтенанта Шведской службы Вреде на историю Финляндской войны Сухтелена». Этот документ, по всей видимости был составлен сыном генерала Сухтелена, который также являлся активным участником событий финляндской войны, содержит анализ русского и шведского варианта работы П. К. Сухтелена. Документ составлен в виде таблицы, в которой разбираются разночтения, встречающиеся в русском и шведском вариантах.

Собственно работа П. К. Сухтелена хорошо известна, ее часто цитируют, но, к сожалению, не всегда точно. Особенно много трактовок связано с пресловутым вопросом о взятии крепости Свеаборг, а точнее с ролью «золотых бомб», повлиявших на гарнизон крепости, считавшейся неприступной.

Автор данной работы использовал копии соглашения о взятии Свеаборга, составленные непосредственно с текста договора и заверенные в установленном порядке. Такие копии имеются в РГА ВМФ, в фонде посвященном истории Русского флота и в архиве Музея истории артиллерии, инженерных войск и войск связи в официальном конвойном фонде. Могу подтвердить, что П. К. Сухтелен в своей брошюре со скрупулезной точностью цитирует отдельную статью о сдаче Свеаборга, которая одинакова и в его книге и в официальных документах. В ней, в частности, отмечается: «Поелику адмирал Кронштедт предложил, чтобы в случае сдачи крепости в надлежащий срок по своей конвенции, заплачены были Российской Империей Шведскому правительству издержки, сверх определенной суммы на содержание крепости, каковой долг по достоверным счетам составляет не более 100 тысяч рексталлеров (20000 франков) шведской монетой; то главнокомандующий русской армией генерал Буксегвден обязывается просить на то соизволения своего монарха и употребить все связи для получения оного»¹².

Данная статья получила широкое толкование. Наиболее распространённым считается мнение, что Буксегвден просто подкупил Кронштедта. Такая точка зрения присутствует и у русских, и у шведских мемуаристов. Вот что пишет по этому поводу один из участников событий, тогда волонтер, а затем

полковник и командир гродненского гусарского полка Евгений Петрович Назимов, мемуары которого были опубликованы в 1911 г. Как он пишет, «при сдаче Свеаборга по льду залива намостили доски по которым во главе войска шел с красавицей дочерью Кленшортен (Кронштедт), а за ним все его войска, проходившие между нашей пехотой... войска были отправлены на родину, а адмирал с дочкой в Санкт-Петербург, где отец был пожалован в генерал-адъютанта, а дочь во фрей-лейбу. Слухи носились, что более всего на крепость действовали золотые наши бомбы большого калибра»¹³.

По мнению ряда авторов (например Ф. Казакевича «Описание крепости Свеаборг» «Морской сборник», №11 за 1848 г.), косвенным подтверждением фактической взятки, повлиявшей на взятие Свеаборга, является письмо, направленное Буксегвденом Аракчееву, которое впервые процитировал русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский (1790–1848 гг.) в своем «Описании Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808–1809 гг., составленном по высочайшему повелению с 20 картами и схемами». Он пишет: «Наконец, чтобы иметь успех в моих предложениях, употребил я для того посредство людей, которых расположение удалось приобрести мне в гарнизоне. Вы видите какими средствами была мне возможность найти пути нам способствующие. Они нам довольно дороги и будут еще дороже, но все эти издержки не могут никогда идти в какое-либо сравнение с тем важным приобретением какое может быть сделано покорением Свеаборга. Я употребил на то экстраординарную сумму она теперь кончилась, а так как вы видите, что в последствии надобно будет сделать еще издержки, то прошу прислать мне таковых секретных расходов еще тысяч 25–30». Аракчеев наложил резолюцию: «Государь Император надеется, что если старанием и опытностью Вашей сила золота уже ослабила несколько военную пружину, то и окончательное уничтожение оной кажется исполнимо»¹⁴.

Истории с секретными суммами всегда покрыты мраком. Как показывает исторический опыт, тех людей, которые ими распоряжаются, в конце концов всегда обвиняют в злоупотреблении оными. Так случилось и с Буксегвденом. Когда он был отстранен от командования армией, ему, в частности, были

предъявлены обвинения в «несанкционированном» распоряжении секретными суммами для своего личного благополучия. Подтверждением этому служит интересный документ, который хранится в РИБ в фонде Олениных. Это письмо Ф. Ф. Буксгевдена к А. А. Аракчеву от 13 сентября 1809 г., в котором он пишет о потерях и приобретениях в Финляндии, в том числе и оправдывается в целевом использовании «экстраординарных расходов», намекая на их роль в успехе военной компании. Кстати, весьма любопытные воспоминания об отставке Буксгевдена оставил в своих мемуарах государственный секретарь Василий Романович Марченко (1782–1838 гг.), мемуары которого публиковались в журнале «Русская старина» (№ 85 и 86 за 1896 г.).

В истории же, связанной с подкупом коменданта Свеаборга, изучив многочисленные архивные материалы (РГИА, РГА ВМФ, МАИВСС), автор склоняется к подтверждению верности позиции П. К. Сухтелена, который писал: «Мы смело утверждаем, что сама мысль о постыдном подкупе чужда была договаривающимся сторонам. Оба генерала, посевшие на поле чести могли вести переговоры с различными успехами, но они равно неспособны были — один к предложению, другой к принятию средств, противных чести»¹⁵.

Необходимо заметить, что П. К. Сухтелен, по-видимому, имел полную информацию о переговорах и связанных с ними нюансах, не зафиксированных в официальных документах, так как посредником между командующим русской армией и комендантом Свеаборга выступал ... его сын — П. П. Сухтелен.

Практически все исследователи, изучающие «Финляндскую войну», сходятся во мнении, что одним из факторов, оказавшим существенное влияние на ход боевых действий, являлось настроение финского общества. Это подтверждают и мемуары участников событий. Причем в качестве одной из ключевых дат выделяется 16 марта 1808 г., день, когда была обнародована «Декларация о разрыве мира со Швецией», в которой Финляндия объявлялась «областью российским оружием покоренной, и навсегда присоединенной к Российской империи»¹⁶.

С этого момента и по мнению участников событий, оставивших нам свои мемуары, и по мнению исследователей, занимавшихся изучением официальных документов, изменяется

отношение коренного населения страны к русским войскам. Исчезновение надежды на приобретение государственной самостоятельности приводит финское население, правда, не без помощи антрирусской пропаганды, проводимой шведским командованием, к активному участию в боевых действиях, увы, как правило, на шведской стороне. Молниеносное, хорошо спланированное и организованное наступление русской армии замедлилось, победы сменялись поражениями, ход войны изменился, и только ценой немалых усилий и напряжения удалось добиться желанной победы. Упомянутый выше Е. П. Назимов в своих мемуарах написал просто: «Быстро заняли более половины Финляндии, но еще скорее покатались вспять». Поэт и «герой-партизан Отечественной войны 1812 года» Денис Давыдов описал это образно: «Когда сосредоточенный неприятель напал на разбросанные по клокам войска наши, когда вспыхнула “война народная”, когда подводы с пиццою и зарядами прекратились от пабегов жителей, когда пожары разлились по немалому пространству лесов, сквозь которые нам надлежало пробираться, когда каждый шаг вперед и назад требовал всемирных пожертвований, тогда наши соотечественники не хотели верить слухам до них доходившим... кровь храбрых орошала туцдру финскую, заискала на скалах, по шим рассеянным»¹⁷.

Официальные сводки и отчеты менее эмоционально, но более точно зафиксировали изменение оперативной обстановки. Так, в письме от 17 мая 1808 г. Буксгевден пишет Аракчеву: «Крестьяне вооружаются дубинами, косами, чем могут, разбегаются на телегах и верхом по всем дорогам. Восстаниями руководят офицеры, настояры и бывшие солдаты... некоторые начальники наших команд, видя общее вооружение и, веря преувеличенной молве о неприятельских силах, оставляют свои позиции столь торопливо, что иногда бывают останавливаемы солдатами»¹⁸.

Невольно напрашивается вывод, что лишения, испытанные Давыдовым в 1809 г. натолкнули его на мысль организовать «летучие отряды» в 1812 г. и стать теоретиком использования «партизанских методов борьбы» в боевых действиях.

В своем кратком сообщении автор остановился только на двух штрихах предложенной темы, позволяющих проил-

дистрибуировать неиспользуемые возможности мемуарных материалов, хранящихся в личных фондах архивов и коллекциях РНБ. Материалы, содержащиеся в мемуарах и дневниках, позволяют осветить многие из «белых пятен» последней русско-шведской войны. Автор сознательно избегал цитат из дневников и записей Аракчеева, де Толли, Каменского, хранящихся в архивах и практически не используемых для изучения предложенной темы. Вне исследования остались и исследовательские работы, и мемуары, посвященные Армфельду и Сиренгпортецу, а также деятельности различных политических и религиозных партий, которые принимали активное участие в событиях в Финляндии в 1808–1809 гг. Практически не исследованы материалы РГА ВМФ, посвященные морским сражениям этой войны и замечательные записи, касающиеся «Ледового похода» и отряда Вуччица, «экспедиции адмирала Бодиско». До сих пор в научный оборот полностью не введены материалы, собранные по распоряжению Его Императорского Величества экспедицией полковника П. А. Ниве в 1908–1909 гг., хранящиеся в архивах Военно-исторического общества (фонды архива МАИВВС). К сожалению, нам пока недоступны мемуарные материалы, хранящиеся в шведских архивах. Каждая из этих тем может составить самостоятельное исследование, а все вместе они смогут, наконец, составить объективную картину событий 200-летнего прошлого.

¹ *Давыдов Д.* Воспоминания о Куль Неве в Финляндии // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1838. Т. 15. № 59. С. 355.

² *Бородин М. М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 52.

³ *Шефов Н. А.* Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000. С. 205.

⁴ *Давыдов Д.* Указ. соч. С. 356.

⁵ *Нохлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в письмах, датах, фактах. М., 1995. Вып. II. Кн. 1. С. 268.

⁶ *Вейбуль Н.* Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997. С. 101.

⁷ *Бородин М. М.* Указ. соч. С. 222.

⁸ *Бализин В.* Верность и терпение. Исторический роман хроника о жизни Барклая де Толли. М., 1996. С. 237.

⁹ *Бородин М. М.* Указ. соч. С. 198.

¹⁰ По мнению автора, наиболее объективным является исследование работ российских, финских и шведских авторов, проведенное в 1965 г. И. Кайлярийеном. (См.: *Кайлярийен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965).

¹¹ А. В. Головин в большей степени известен у нас как реформатор системы российского образования середины XIX в. Но мало известно, что всю свою жизнь он увлекался историей Финляндии и даже написал брошюру «Очерки по истории и современному положению городов Финляндии».

¹² *Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии и последнюю войну России со Швецией. СПб., 1832. С. 52–53.

¹³ *Окулач-Кудряш П.* Псковский ветеран наполеоновских войн // Труды Псковского Археологического общества. Псков, 1911. Вып. 8. С. 57.

¹⁴ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Финляндской войны на суше и на море 1808–1809 гг., составленном по Высочайшему повелению с 20 картами и схемами. СПб., 1843. С. 49.

¹⁵ *Сухтелен П. К.* Указ. соч. С. 54.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XXX. С. 129–130.

¹⁷ *Давыдов Д.* Указ. соч. С. 356.

¹⁸ Копийный фонд Архива МАИВВС. Том 22.

Р. В. Пересадило

**ДОНЕСЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ
ИЗ ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОГО КОРОЛЕВСТВА
В ПЕТЕРБУРГ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НОРВЕГИИ
(конец XIX – начало XX в.)**

Деятельность российских консулов в Норвегии в 1814–1905 гг., т. е. в период шведской унии, до сих пор остается малоизученной темой как в российской, так и в норвежской историографии.

Консулами являлись официальные представители, назначаемые правительством одной страны в города (особенно портовые) другой для охраны и защиты там экономических, право-